

Состояние социальной сферы и жизненный уровень населения Кировской области в годы второй пятилетки (1933–1937)

Владимир И. Бакулин

*Независимый исследователь,
Сочи, Россия, vla20190220@yandex.ru*

Павел А. Чемоданов

*Кировский областной краеведческий музей,
Киров, Россия, pavelche1492@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена развитию социальной сферы Кировского края/области в годы второй пятилетки (1933–1937). В ней обоснована прямая связь между динамичным развитием промышленного сектора региональной экономики и изменениями в социальной сфере. Авторы прослеживают, как менялись доходы и покупательская способность населения региона, приводят соотношение средних зарплат в разных отраслях и цен на основные потребительские товары на фоне отмены в Советском Союзе карточной системы распределения. Кроме того, в статье приводятся данные по расходам регионального бюджета на развитие инфраструктуры, образование, здравоохранение и «точечную» социальную поддержку незащищенных слоев населения, а также прослеживается положительная динамика количества школьников, лечебных заведений, учреждений культуры. Авторы констатируют координирующую роль и методы управления региональных партийных органов, применяемых в процессе решения задач социального развития края, в защите интересов рядовых работников промышленности и сельского хозяйства.

Вместе с тем, отмечая положительную тенденцию развития социальной сферы в обозначенных географических рамках, авторы обращают внимание на целый комплекс ее системных проблем. Они относят к таковым нарастающую в течение всего периода жилищную проблему, диспропорции в развитии крупных городов и сельской местности, недостаточный уровень медицинской помощи, оказываемой населению, серьезные недоработки в вопросе образования молодежи. Несмотря на это, авторы приходят к выводу, что Кировский регион в годы второй пятилетки был динамично развивающейся территорией, имевшей хорошие перспективы.

Ключевые слова: Кировская область, сталинизм, вторая пятилетка, плановая экономика, социальная сфера, уровень жизни

Для цитирования: Бакулин В.И., Чемоданов П.А. Состояние социальной сферы и жизненный уровень населения Кировской области в годы второй пятилетки (1933–1937) // История и архивы. 2021. № 2. С. 32–57. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-2-32-57

The social sphere and the living standards of the Kirov region population during the time of the second five-year plan (1933–1937)

Vladimir I. Bakulin

*Independent researcher, Krasnodar region,
Russia; vla20190220@yandex.ru*

Pavel A. Chemodanov

*Head of Research and Public Relations Sector
of the Kirov Regional Museum of Local Lore, Kirov Region, Russia;
pavelche1492@mail.ru*

Abstract. The article focuses on the social sphere development of the Kirov region in the years of the second five-year plan (1933–1937). It substantiates a direct link between the dynamic development of the industrial sector of the regional economy and the changes in the social sphere. The authors trace the changes in the incomes and purchasing power of the population of the region. They give the ratio of average wages in different industries and the prices for basic consumer goods along with the abolition of the rationing distribution system in the Soviet Union. In addition, the article provides the data pertaining to the regional budget expenditures on the education, health care and social support for the vulnerable groups of the population; the paper also traces the positive growth trend in the number of schools, hospitals, and cultural institutions. The authors state the special role and managing methods of the regional party bodies in resolving the social development tasks for the region and in protecting the interests of ordinary industrial and agricultural workers.

At the same time, noting the positive trend in the development of the social sphere in the designated geographical framework, the authors draw attention to the whole range of its systemic issues. They classify as such the housing shortage, growing over the entire period, the disparity in the development of big cities and rural areas, the insufficient level of medical care provided to the population, and the serious shortcomings in the education of young people.

However the authors come to the conclusion that the Kirov region during the years of the second five-year plan was a dynamically developing territory with good prospects.

Keywords: Kirov region, Stalinism, second five-year plan, planned economy, social sphere, living standards

For citation: Bakulin, V. and Chemodanov, P. (2021), "The social sphere and the living standards of the Kirov region population during the time of the second five-year plan (1933–1937)", *History and Archives*, no. 2, pp. 32–57, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-2-32-57

Введение

Советская историография отличалась повышенным вниманием к экономической проблематике развития и страны в целом, и отдельных ее регионов в годы предвоенных пятилеток. Кировский край (с конца 1936 г. – область) в этом отношении исключения не составил. Можно назвать немалое количество публикаций, посвященных как отдельным аспектам рассматриваемой темы (главным образом промышленному развитию региона и коллективизации деревни), так и претендовавшим на определенный уровень обобщения. В числе последних – Очерки истории Кировской области (1972 г.) и вторая часть Очерков истории Кировской организации КПСС. 1918–1968 (1969 г.)¹. Правда, оба эти издания хронологически выходили далеко за рамки изучаемого периода и отличались изрядным схематизмом описываемых событий. Впрочем, последнее в той или иной степени являлось «родовой» чертой историографии советской эпохи. В центре ее внимания находились количественные показатели, недостаточно глубокий анализ проблем экономического развития, а также усиленная фиксация достижений и успехов. В том же ключе выдержаны авторские работы З.И. Вдовина и В.И. Ключкина, в разной степени затрагивающие отдельные аспекты истории Кировского региона в период форсированной индустриализации [Вдовин 1972; Ключкин 1971].

Состоявшееся на рубеже 1980–1990-х гг. изменение общественного строя в нашей стране сопровождалось сменой исследовательской парадигмы, когда на первый план авторами стали выдвигаться (типично – в жанре публицистики) проблемы и недостатки различных сторон советского жизнеустройства. И лишь с середины

¹ Очерки истории Кировской организации КПСС. Ч. 2. 1918–1968 / Под ред. Е.И. Кирюхиной. Киров: Волго-Вят. кн. изд-во. Киров. отд-ние, 1969; Очерки истории Кировской области / Под ред. А.В. Эммаусского и Е.И. Кирюхиной. Киров : Волго-Вят. кн. изд-во. Киров. отд-ние, 1972.

1990-х гг. наметилась тенденция к преодолению обеих крайностей – апологетики и неумеренного очернительства – и выхода региональной исследовательской мысли на качественно новый уровень своего развития. На современном этапе увидели свет публикации, авторами которых глубже и основательнее, чем прежде, освещены различные аспекты жизни города и деревни Вятского/Кировского региона, история стахановского движения, затрагиваются отдельные аспекты процесса культурного строительства [Сметанина 2008], начато изучение особенностей социальной психологии и поведенческих реакций местного населения и др. [Загвоздкин 1995; Кашина 2008; Чемоданов 2016; Дубовцев 2014; Чемоданов 2019b; и др.]

Однако приоритетное положение, как и прежде, остается за экономической тематикой. Правда, в последние десятилетия, наряду с ней, заметную популярность приобрела тема политических репрессий. Ее на региональном уровне впервые поднял Ю.Г. Карачаров, однако его работа была построена на избранных автором бегло изложенных биографиях репрессированных, преимущественно из числа партийных и комсомольских руководителей [Карачаров 1990]. На десятилетие позже увидела свет монография В.А. Бердинских по истории ВятЛАГа [Бердинских 2001]. В дальнейшем тему репрессий в региональном масштабе систематически поднимали исследователи и публицисты, близкие к Русской православной церкви. К сожалению, работы такого рода изобилуют эмоциональными эпитетами и оценочными суждениями², поэтому мало способствуют объективному воссозданию общей картины политической жизни региона и пониманию сущности происходивших событий. В рамках указанной проблематики отметились отдельными публикациями и авторы данной статьи [Бакулин 2006; Бакулин 2020; Чемоданов 2020; и др.]

Не менее проблематична созданная как советской, так и постсоветской региональной историографией характеристика социальных процессов в регионе. Лишь отдельные ее аспекты исследованы немногими авторами³, что не позволяет увидеть картину в целом, тем более проследить взаимосвязь и взаимовлияние экономической, социальной, политической сторон жизни социума. Авторы данной статьи преследовали цель внести свой вклад в устранение

² Вспомним поименно: [биографический сборник]. Кн. 9. Киров: ВЕСИ, 2017; Вятские пастыри в годы гонений. Киров: Герценка, 2019.

³ В числе немногих серьезных исследований такого рода можно упомянуть: Семенова А.Ю. Социально-экономическое положение рабочих ценовой промышленности Вятской губернии / Кировской области в 1928–1937 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2012.

указанного пробела, исследуя тот социальный фон, который формировался экономическим укладом страны и региона и во многом задавал политическую жизнь последнего.

Доходы работников промышленной сферы

В предвоенное десятилетие в процессе форсированной индустриализации страны создавалась материальная база попутного решения задач социального развития. Помимо целевых узаконений властей, позитивные перемены задавал технический прогресс. Особенно ярко проявлялось это в сельском хозяйстве, где на смену изнурительному ручному труду все чаще приходила механизация производственных процессов. В аграрный пейзаж Кировского региона прочно вписались трактор, зерноуборочный комбайн, грузовой автомобиль. Существенно повышали качество жизни достижения в области культурного строительства: введение всеобщего начального школьного образования, развитие сети средних и высших учебных заведений, форсированное преодоление массовой неграмотности взрослого населения, распространение знаний в области гигиены, вакцинация граждан и успешная борьба с эпидемиями тяжелых заразных болезней (оспа, тиф, холера и т. д.), расширение сети музеев, театров, кинотеатров, радиофикация населенных пунктов и т. п.

Ключевым показателем качества жизни выступает степень удовлетворения основных потребностей человека, что в решающей степени обусловлено соотношением доходов индивида и цен на потребляемые им товары и услуги. В 1930-е гг. у работников промышленности, транспорта, энергетики основным (либо единственным) источником дохода оставалась зарплата. Ее размер зависел от профессии, занимаемой должности, квалификации, системы оплаты труда (повременная, сдельная и др.). Разница в доходах была невелика, максимум – в разы. Так, заработки стахановцев могли в несколько раз превышать среднеотраслевой уровень [Чемоданов 2019b, с. 123–130]. Различия в доходах существенно нивелировались и общественными фондами потребления, задававшими относительно равный (особенно если абстрагироваться от географического фактора) доступ граждан к образованию, здравоохранению, иным компонентам государственной социальной защиты.

Выясняя материальное положение типичного работника советской индустрии, следует принять во внимание две выразительные цифры, из коих одна дает представление о финансовых возможностях низко- и неквалифицированных рабочих, а другая – о доходах рабочего-середняка. В соответствии с опубликованным в начале

ноября 1937 г. правительственным постановлением «О повышении заработной платы низкооплачиваемым рабочим и служащим фабрично-заводской промышленности и транспорта», тарифная ставка повременной оплаты труда работника не должна была опускаться ниже 115 руб. в месяц, «помимо премий и других приработков»⁴. Что касается второго показателя, то средняя месячная заработная плата рабочих и служащих по всему народному хозяйству СССР в 1936 г. составила 231 руб., работников крупной промышленности – 238,5 руб.⁵ В Кировской области численно преобладали мелкие и средние предприятия, многие работники которых (особенно проживающие в сельской местности и рабочих поселках) в качестве материального подспорья имели огороды, а порой и домашний скот.

Но социальная группа работников краевого крупного промышленного производства росла опережающими темпами. Всего за два года (1935, 1936) их численность выросла на 14%. Имевшая большое значение для экономики края лесная промышленность (в 1936 г. – 107,3 тыс. рабочих и служащих против 98 тыс. в крупной индустрии) со своими 9% роста заметно уступала лидеру. Еще около 180 тыс. чел. были заняты в более застойной мелкой промышленности⁶. Крупная промышленность лидировала и по темпам увеличения зарплаток работников, что облегчало решение кадровых проблем. Если на рубеже 1928–1929 гг. зарплата работников фабрично-заводских предприятий Нижегородского края (в состав которого входил грядущий Кировский край) составляла 65 руб. у рабочих и 111,5 – у служащих⁷, то в 1936 г. средний заработок работников крупных предприятий индустрии достиг показателя 197 руб.⁸ При этом только за последний год он вырос на 16,5% против 13% в лесной отрасли, а в денежном выражении превысил показатель последней почти в полтора раза⁹.

Средние зарплаты и их эволюция в других сферах (кроме сельского хозяйства, о котором особый разговор) не слишком отличались от имевших место в промышленности.

Очень неплохая динамика наблюдалась, например, в системе народного образования. Согласно январскому (1937 г.) постановле-

⁴ Правда. 1937. 2 нояб. С. 1.

⁵ Правда. 1937. 19 окт. С. 3.

⁶ Кировский край: Альбом графиков для делегатов 2-го чрезвычайного съезда Советов Кировского края. Киров, 1936, табл. «Рост численности рабочих, служащих (в тыс. на март) и месячная зарплата (в рублях)».

⁷ Вятский край на рубеже тысячелетий: История и современность: Историко-статистический сборник. Киров, 2002. С. 439.

⁸ Кировский край: Альбом графиков для делегатов...

⁹ Там же.

нию СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О повышении заработной платы педагогическому персоналу техникумов, рабфаков, школ для взрослых и детских домов» зарплата учителей школ для неграмотных и малограмотных варьировалась от 205 до 280 руб. в зависимости от разряда, стажа и местности проживания (город или село). В то же время директора школ для взрослых с числом учеников более 150 чел. получали от 290 до 380 руб. (с учетом тех же критериев), а воспитатели и инструкторы по труду детских домов – от 185 до 240 руб.¹⁰

Что мог позволить себе работник с минимальной оплатой труда, по крайней мере, с конца 1937 г.? В пересчете на продукты питания зарплата 115 руб. позволяла, условно говоря, приобрести 115 булок обычного ржаного хлеба (весом 1 кг каждая), либо в два раза меньше более качественного ржаного хлеба «Бородинский». Куриных яиц на эти деньги можно было купить 230 шт., масла сливочного (15 руб. 50 коп. за кг) – 7,4 кг, тушенки говяжьей – 14 банок, свиной – 13 банок. Полукопченая колбаса «Туристская» оценивалась в 17 руб. 30 коп. за килограмм, и совсем уж непозволительной роскошью выглядела 50-граммовая плитка шоколада стоимостью 65 руб. 70 коп.¹¹ Полноценного питания семьи, имеющей несколько детей, такая зарплата явно не обеспечивала.

Но в сравнении с предреволюционными годами, когда заработок низкоквалифицированного рабочего в Вятской губернии обеспечивал каждому члену семьи буханку хлеба в день и не более того [Бакулин 2018, с. 26–28], прогресс был однозначным. К тому же власти оказывали «точечную» социальную помощь отдельным уязвимым слоям населения. Так, 1 января 1937 г. президиум Кировского облисполкома постановил выплатить 4511 многодетным матерям финансовую помощь на общую сумму 7 млн 301 тыс. руб. В их числе пособие по 5000 руб. получили 11 женщин, по 4000 руб. – 160, остальные – по 2000 руб.¹² Размер выплат – в соотношении с типичными зарплатами и ценами на товары и услуги – впечатляет.

Зарплата среднего уровня (от 231 руб. и выше) открывала гораздо бóльшие возможности, позволяя вполне прилично питаться. Кроме того, семья, особенно при обоих работающих родителях

¹⁰ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О повышении заработной платы педагогическому персоналу техникумов, рабфаков, школ для взрослых и детских домов» // Кировская правда. 1937. 12 янв. № 10. С. 2.

¹¹ Дополнительный сборник оптово-отпускных розничных цен и торговых накидок на продовольственные товары по Кировской области. Киров: Официальное издание Кировского областного отдела внутренней торговли, 1937. С. 82–120.

¹² Кировская правда. 1937. 9 янв. С. 3.

(ситуация значительно более типичная, нежели в дореволюционную эпоху), могла позволить себе значительную часть зарплаты тратить на одежду, обувь, некоторые виды простой мебели, другие промышленные изделия, а также на удовлетворение культурных запросов – книги, прессу, посещение кинотеатров, театров и др. В дореволюционной России приобрести мебель или снять меблированную квартиру могли преимущественно высококвалифицированные работники (электрики, механики), составлявшие ничтожно малую долю индустриального персонала той поры.

По статистическим данным 1936 г., стоимость жизненно важных непродовольственных товаров в Кировском крае выглядела следующим образом: пара мужских сапог – 43 руб., туфли дамские хромовые – 37 руб. 50 коп., мужской хлопчатобумажный свитер – 12 руб., мужская гимнастерка – 14 руб. 40 коп., а более респектабельный френч – 40 руб. 80 коп., шерстяное женское платье – 40 руб., пальто мужское ватное – 63 руб. 30 коп. Мебель оставалась дорогой, и если цена стула дубового с дерматиновым сиденьем (26 руб.) обладателя среднестатистической зарплаты вряд ли сильно пугала, то приобретение книжного двухстворчатого шкафа (210 руб.) и тем более дубового шифоньера с приставной тумбой (320 руб.) было далеко не всем рабочим по карману¹³.

Жизненный уровень крестьянства, факторы его обуславливавшие

Очень непростая задача – выяснение уровня доходов колхозников. Сложность не только в весьма приблизительной оценке вклада в него личного семейного подворья; определение полученного от работы в коллективном хозяйстве тоже задача со многими неизвестными. Дело в том, что оплата труда колхозников (посредством трудодней) не была фиксированной и унифицированной, отличалась большим разнообразием по хозяйственным единицам. Авторы некоторых современных публикаций вносят дополнительную путаницу в этот и без того непростой вопрос. Так, А.В. Семенов выдвигает странный тезис, что «в денежном исчислении ежемесячная зарплата колхозников составляла 12 руб. Поэтому для многих крестьян единственным реальным источником дохода становился рынок, на котором можно было свободно продавать продукты, выращенные на приусадебном участке» [Семенов 2018, с. 72].

¹³ Справочник оптово-отпускных цен на изделия промкооперации, кооперации инвалидов и предприятий общественных организаций. Киров: Краевое конвенционное бюро при Кировской крайвнуторге по установке цен на изделия промкооперации и кооперации инвалидов, 1936. С. 20–58.

Термин «зарплата» вообще неприменим в данном случае. Как и утверждение цитируемого автора о том, что именно ее недостаточность приводила к падению заинтересованности колхозников в общественном труде («в 1938 г. более 28 тыс. колхозников не выработали ни одного трудодня, почти 57 тыс. – менее чем 50 трудодней») [Семенов 2018, с. 72]. Более существенной причиной последнего явления видятся рецидивы собственнической психологии сельских тружеников, многовековая привычка выживать производимым в своем индивидуальном хозяйстве продуктом и боязнь «остаться на бобах» при полной переориентации на хозяйство коллективное. Очевидно, опасения такого рода усилил и малоурожайный 1936 г.

Система оплаты труда в колхозах в конце второй пятилетки еще продолжала «шлифоваться», нередко обнаруживая крайность иного рода. В начале 1937 г. руководство области осудило случаи подмены трудодней уравнительной – повременной и «по едокам» – оплатой работы колхозников «натурой и деньгами»¹⁴. Давали знать о себе как традиционная общинная психология, так и явный дефицит знаний и опыта в новом и крайне непростом деле колхозного строительства. Уход от уравниловки в сельском хозяйстве сопровождался борьбой с обезличкой в МТС (как и в отраслях промышленного производства). Оплата труда все более индивидуализировалась, что хорошо просматривается и на примере стахановского движения в регионе [Чемоданов 2019b, с. 123–130]. Фактор материальной заинтересованности работников в повышении производительности труда приобретал все большее значение.

В конечном счете, оценивая доходы и жизненный уровень сельских жителей Кировской области, более или менее предметно можно говорить лишь о факторах, позитивно или негативно влиявших на них. Однако понятно, что воспроизводимый с конца 1980-х гг. идеологический штамп о повсеместной работе колхозников «за палочки» («пустые» трудодни) является упрощением сложной проблемы. Мы сталкиваемся с тем фактом, что начальники низового уровня порой буквально гонялись за чужими трудоднями. Так, председатель одного из колхозов Дебесского района Удмуртской АССР, которая в 1934–1936 гг. входила в состав Кировского края, Н.И. Ложкин, рискуя нарваться на серьезные неприятности (что в конечном счете произошло), за два года приписал себе более 1,5 тыс. трудодней¹⁵. Замдиректора Зареченской МТС по расчетам с колхозами Бакин скупал чужие

¹⁴ Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 28. Л. 2.

¹⁵ Там же. Ф. П-1255. Оп. 2. Д. 10. Л. 124 об.

трудодни. Правда, в данном случае не у колхозников, а у работников МТС – трактористов¹⁶.

Доход члена сельхозартели в первую очередь зависел от общего результата работы колхоза, от объема полученной продукции, точнее от той ее части, которая оставалась после обязательных поставок зерна государству и засыпки семенного фонда. Случалось, чиновники различных ведомств покушались и на эту, идущую на потребление колхозников часть произведенной продукции, либо на полученный коллективным хозяйством доход. Как и во многих других случаях, для устранения безобразий такого рода требовалось вмешательство региональной (в первую очередь партийной) власти. В совместном постановлении Кировского крайисполкома и крайкома ВКП(б) (декабрь 1935 г.) предписывалось «категорически пресекать имеющую место практику незаконного распоряжения колхозными средствами со стороны советских и хозяйственных организаций». Дело в том, что районные руководители таким способом зачастую затыкали «финансовые дыры» в местных бюджетах (не говоря уже о фактах криминального характера). Естественно, это негативно отражалось на доходах селян. Виновным в нарушениях было приказано в течение месяца погасить задолженность перед колхозами, дабы избежать прокурорского преследования и «суровой ответственности», а также прекратить наложение «огульных штрафов» на колхозников¹⁷.

Пресекались проявления самовольства, а то и самодурства, не только районных руководителей. Сходную активность в начале 1936 г. развил, например, директор Макарьевской МТС, находившейся «под боком» у областного центра, Кириллов. До последовавшего затем увольнения с должности он, не имея на то никаких полномочий, наложил штрафы (и выговоры) на председателей ряда колхозов, обслуживаемых этой станцией¹⁸. Упомянутый выше Н.И. Ложкин проводил своеобразную кадровую политику, исключив за неполные 2 года из колхоза до 20% общего числа его членов, не сообразуясь ни с какими установками властей на сей счет¹⁹.

Держаться на приемлемом жизненном уровне колхозникам помогали мероприятия властей по поддержке и развитию сельского хозяйства. В неурожайном 1936 г. колхозы получили финансовые и семенные ссуды, было проведено выборочное облегчение налогового бремени. Особое внимание уделялось поддержке хозяйств, пострадавших от стихийных бедствий и пожаров. Так, в октябре

¹⁶ Там же. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 30. Л. 111 об.

¹⁷ Там же. Ф. П-1255. Оп. 2. Д. 11. Л. 95.

¹⁸ Там же. Д. 8. Л. 164 об.

¹⁹ Там же. Д. 10. Л. 124 об.

1936 г. крайком партии выделил пострадавшим от пожара жителям и колхозу села Цепочкино Уржумского района 20 тыс. руб. на восстановление зданий. Кроме того, колхоз получил отсрочку в уплате подоходного налога, а колхозники были освобождены от сельхозналога на неопределенный срок. Председателю краевого союза потребительской кооперации Самарину было дано указание как можно скорее завезти в село на автомобилях необходимые населению промтовары²⁰.

Государственная торговля и снабжение населения

В середине 1930-х гг. исчерпала себя система чрезвычайных мер снабжения населения продовольственными и промышленными товарами. 1 января 1935 г. в стране были отменены карточки на хлеб и муку. Цены на них, согласно постановлению СНК СССР от 7 декабря 1934 г., теперь варьировались в привязке к восьми поясам, на которые была разделена страна: от самых низких в поясе 1-м до максимальных – в 8-м. В частности, цена килограмма черного хлеба располагалась в диапазоне от 80 коп. до 1,5 руб.; 1 руб. – на территории отнесенного к 3-му поясу Кировского края [Чемоданов 2019с, с. 266]. В октябре 1935 г. решением Кировского крайисполкома в сети государственной торговли в среднем на 15% были снижены цены на основные продовольственные товары: печеный хлеб, муку, сахар, крупы... [Семенова 2012, с. 113–114].

По мере свертывания системы карточного распределения предметов первой необходимости довольно быстро выяснилось, что необходимость вмешательства, хотя и менее прямолинейного, партийных властей в организацию снабжения граждан (горожан в первую очередь) сохранилась. Очевидно, это было связано как с растущей покупательной способностью населения, так и с пока еще недостаточным уровнем развития сельского хозяйства, легкой промышленности. Поэтому еще в 1937 г. на бюро обкома ВКП(б) утверждались годовой и текущие планы размещения по районам и отдельным ведомствам фондов муки для последующей продажи населению²¹. В необходимых случаях мука (хлеб) могла дополнительно выделяться поселениям из резервного фонда области²².

Следует учесть, что новое время рождало новые проблемы. Колхозное крестьянство активно переходило с хлеба собственной выпечки на приобретаемый в магазинах. Весной 1937 г. торговая

²⁰ Там же. Д. 10. Л. 73 об.

²¹ Там же. Ф. П-1290. Оп. 115. Д. 2. Л. 22–26, 39, 199.

²² Там же. Д. 1. Л. 202.

сеть уже с трудом выдерживала ложившуюся на нее дополнительную нагрузку. Темпы ее развития на данном этапе (4157 торговых точек в 1934 г., 4628 – в 1936-м)²³ оказались недостаточными. В начале мая местное руководство обратилось в ЦК ВКП(б) с просьбой разрешить торговлю хлебом на территории кировских предприятий, а также путем доставки на дом по предварительным индивидуальным заявкам «в связи с большим спросом на хлеб со стороны деревни и трудностей, создавшихся в связи с ухудшением (положения. – *Авт.*) для рабочих и служащих...»²⁴.

Розничный товарооборот в регионе стабильно рос: в 1935 г. он суммарно выразился цифрой 670,6 млн руб., в 1936 г. – 875,5 млн, на 1937 г. был запланирован в размере 1120 млн руб.²⁵ В этот же период неуклонно нарастал и суммарный грузооборот ж/д транспорта, составивший в 1935 г. 3248 тыс. т, в 1936 г. – 4546 тыс. т, а в 1937 г. – 6181 тыс. т²⁶. Все это, при стабильных (или снижаемых) ценах в государственной торговле, косвенно свидетельствовало не только о динамичном развитии экономики края/области, но и о повышении жизненного уровня местного населения.

Разумеется, проблематика снабжения населения продуктами и предметами первой необходимости не сводилась только к количественным показателям, особенно по мере преодоления последствий неурожайного 1936 г. Все чаще в повестку дня ставились вопросы как ассортимента и качества продаваемых товаров, так и обслуживания покупателей. С января 1937 г. в Кирове была разрешена розничная торговля всеми видами муки, включая высокосортные. Неделю спустя эта мера была дополнительно разъяснена и дополнена следующим решением бюро обкома: «Считать недопустимым, что торговые организации ряда районов и городов области прекратили выпечку высоких сортов хлеба, сушки и венской сдобы. Предложить Облвнуторгу и райкомам партии немедленно устранить эти недостатки и обеспечить повсеместно в торговой сети продажу хлебных изделий из муки высоких сортов»²⁷.

Но до оптимума в этой сфере было еще далеко. В сентябрьском (1936 г.) постановлении Кировского крайкома ВКП(б) отмечались: недостаточный «приток и использование... торговлей товарных

²³ Кировский край: Альбом графиков для делегатов... Табл. «Торговля».

²⁴ ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 115. Д. 1. Л. 218.

²⁵ План хозяйственного и социально-культурного строительства Кировской области на 1937 г.: Материалы к пленуму облисполкома. Киров, 1937. С. 14.

²⁶ Материалы к отчету Кировского областного исполнительного комитета за 1935–1939 гг. Киров, 1939. С. 68.

²⁷ ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 115. Д. 1. Л. 199.

ресурсов промкооперации и местной промышленности». Торговым учреждениям края было предложено в сомнительно короткий (месячный) срок ликвидировать дефицит промышленных товаров путем заключения договоров с местными промартелями²⁸. Укреплению экономических связей между регионами, а также между торговлей и промышленностью способствовали выставки достижений народного хозяйства, проводимые в эти годы как в столице, так и в регионах страны. Поскольку в Кировском крае находились известные на всю страну предприятия по производству игрушек и музыкальных инструментов, в верхах было принято решение провести межрегиональную выставку культтоваров на базе областного центра в августе 1936 г. Организаторами выставки выступили инстанции всесоюзного уровня: Центросоюз, Всекопромсовет и Всекоопинсоюз, которые выделили на проведение мероприятия немалую по тем временам сумму в 230 тыс. руб.²⁹

Иные направления социального развития региона

Успешное развитие экономики в годы второй пятилетки обеспечило возможность наращивания инвестиций в социальную сферу. При этом расходы на социалку росли значительно быстрее финансовых возможностей региона в целом. Если доходная часть местного бюджета увеличилась с 72,5 млн руб. в 1934 г. до 206 в 1936-м³⁰, то на социальные нужды было при этом ассигновано: в 1935 г. 1103,6 тыс. руб., в 1936 г. – уже 1502,0 тыс. руб., а в 1937 г. – 12 952,7 тыс. руб.³¹ Увеличение за три года более чем в 10 раз! Характерно и то, что краевой бюджет по доходам/расходам оставался в эти годы достаточно сбалансированным.

Рост инвестиций положительно сказывался на состоянии различных сфер бытия местного населения. За годы второй пятилетки в Кировском регионе более чем удвоилось (с 255 до 520) число детских садов, причем 390 из них приходились на сельскую местность. Учреждениями такого рода в 1937 г. было охвачено более 30 тыс. детей⁴⁵. Этот созвучный коллективистскому духу эпохи вариант социализации подрастающих поколений создавал предпосылки для масштабного вовлечения домохозяек, женщин-матерей в общественное производство. Радикальные перемены произошли

²⁸ Там же. Ф. П-1255. Оп. 2. Д. 10. Л. 61.

²⁹ Там же. Д. 9. Л. 34.

³⁰ Кировский край: Альбом графиков для делегатов... Табл. «Финансы».

³¹ Материалы к отчету Кировского областного исполнительного комитета за 1935–1939 гг. С. 122.

в системе образования, особенно детей младшего школьного возраста. Общее число учащихся выросло со 136 тыс. чел. в дореволюционном 1913/14-м уч. г. до 354 тыс. в 1935/36-м. Характерно, что за это же время число школ увеличилось гораздо в меньшей степени – с 2019 до 2180, а начальных учебных заведений даже уменьшилось – с 1966 до 1746³². Сокращение это объяснялось увеличением размеров школьных зданий с качественным улучшением условий для занятий.

Серьезные подвижки происходили в области культурного строительства, хотя скорость развертывания сети соответствующих учреждений в этой сфере была разноплановой. За пятилетку открылись три новых театра, в дополнение к пяти ранее существовавшим. Быстро «плодились» кинотеатры. Если в 1928 г. в регионе их было 84 (по начальному году второй пятилетки нет данных), то в 1937 г. – уже 256. А вот число музеев стабилизировалось на цифре 13, и это было почти в два раза меньше, чем в начале 1920-х гг. Число библиотек за вторую пятилетку почти не увеличилось (475 против 461), что было заметно больше, нежели в период нэпа (например, в 1928-м – 334), но значительно меньше, чем в 1920 г., когда таковых в Вятской губернии насчитывалось 703³³. Но и в этом случае формальное сокращение количества библиотечных учреждений не исключало, а скорее предполагало увеличение общего книжного фонда в регионе.

Далекий от благополучного состояния в дореволюционную пору и обострившийся в годы форсированной индустриализации жилищный вопрос в городах на данном этапе еще не мог быть решен удовлетворительно: государство не располагало необходимыми для этого материальными и финансовыми возможностями. Львиную долю ресурсов поглощали капитальное строительство и укрепление обороноспособности страны. Но поощрялось индивидуальное и кооперативное строительство; по возможности местные органы власти и управления, а также промышленные предприятия оказывали помощь материалами, кредитами. Серьезным плюсом в этой сфере следует признать узаконенные государством минимальные и стабильные расходы семей на содержание муниципального жилья. «Правда» констатировала: «В СССР расходы на жилище составляют 4,3% бюджета рабочей семьи, в капиталистических странах – 20–30% бюджета рабочего»³⁴.

Существенные инвестиции из быстрорастущего муниципального бюджета г. Кирова (с 7,5 до 19 млн руб. за 1934–1936 гг.)

³² Вятский край на рубеже тысячелетий... С. 471.

³³ Там же. С. 467.

³⁴ Там же. С. 507.

шли на развитие инфраструктуры областного центра, возведение важных объектов культурной жизни, благодаря чему Киров, по крайней мере в отдельных его районах, стал приобретать облик города индустриальной эпохи. Современник событий, писатель Николай Васенёв отмечал, что рядом с промышленными объектами «поднялись многоэтажные каменные дома рабочих городков... появились сады, цветники, стадионы....»³⁵. Одним из украшений города стало здание Центральной гостиницы [Чемоданов 2019а, с. 66–77].

Тогда же в Кирове началось строительство нового здания Драматического театра, а также Дома Советов [Чемоданов 2019а, с. 66–77]. Возведение первого из них завершилось в 1939 г., а вот величественный Дом Советов удалось достроить лишь в послевоенный период [Сметанина 2008, с. 56]. Придание городам области (в первую очередь Кирову) более современного облика, создание комфортной среды обитания положительно сказывалось на настроениях кировчан, порождало социальный оптимизм. Но не обошлось без потерь: в азарте антирелигиозной борьбы в 1937 г. в центральной части города был взорван уникальный по замыслу и исполнению, представлявший собой немалую эстетическую ценность Александр-Невский собор [Сметанина 2008, с. 29]. Та же судьба постигла еще несколько древних храмов в исторической части города.

Активным сторонником и участником модернизации краевого центра являлся руководитель местной партийной организации А.Я. Столяр. Так, выступая на состоявшемся в конце декабря 1934 г. I краевом съезде Советов, он заявил: «Состояние края и переименование Вятки ставит во всю широту вопрос о превращении Кирова в передовой центр... Мы должны сделать его действительно образцовой столицей края! Вид у Кирова [сегодня] в достаточной мере “затрапезный”. Надо сделать его настоящим городом, тем более что условия для этого имеются: улицы прямые, ровные, широкие; можно сделать из Кирова в сравнительно небольшие сроки прекрасный, современный, хороший советский город»³⁶. Более года спустя на I краевой конференции ВЛКСМ он подтвердил свой тезис, отметив: «Город Киров будет превращен в цветущий социалистический город, в достойный памятник Сергею Мироновичу»³⁷.

³⁵ *Васенев Н.* Обновленный край: Записки журналиста. Киров: Кировское обл. изд-во, 1937. С. 116.

³⁶ Будем достойны имени Кирова: Речь секретаря крайкома ВКП(б) тов. Столяра на I краевом съезде Советов. Киров, 1935. С. 26–27.

³⁷ Письмо тов. А.Я. Столяра первой краевой конференции ВЛКСМ. Киров, 1936. С. 8–9.

Для этого существовала и неплохая, динамично развивавшаяся материальная база. К концу 1936 г. в столице региона проживало всего 4,6% населения Кировской области; в то же время предприятия города давали 36,5% всей валовой продукции промышленности области, а торговая сеть – 28,7% всего товарооборота³⁸. Быстро развивалась городская инфраструктура. В 1934 г. с коммунальных электростанций было отпущено 15,7 млн кВт/ч. электроэнергии, в 1935-м – 20,8 млн (прирост без малого на четверть), а за девять месяцев 1936 г. – 16,8 млн (в годовом исчислении увеличение на 9,3%)³⁹. Вместе с тем очень серьезные диспропорции имели место по линии «город Киров – остальные территории региона». Концентрация ресурсов и внимания региональных властей преимущественно на краевом центре негативно сказалась на темпах развития других городов и прочих поселений края. Определенные перемены происходили и там, но их масштабы и значимость были намного скромнее.

В качестве иллюстрации можно привести постановление бюро крайкома ВКП(б) от 13 мая 1936 г. «О мерах по улучшению дела здравоохранения в сельской местности», в котором поднимался вопрос о санитарно-гигиеническом состоянии колхозов Кировского края. Констатируя неудовлетворительный уровень такового, бюро обязало здравотдел краевого исполкома Советов совместно с районными исполкомами в месячный срок разработать ряд «простейших санитарно-гигиенических мероприятий», к числу которых были отнесены улучшение водоснабжения, очистка территорий от мусора и озеленение. Местные власти в районах должны были также в короткий срок возвести 3000 колхозных бань и минимум по одной общественной уборной на каждом колхозном дворе⁴⁰.

Данный сюжет выразительно иллюстрирует как очень невысокий исходный уровень процесса приобщения сельских поселений к благам цивилизации, так и координирующую роль партийного органа. К решению связанных с этим задач привлекались не только профильные ведомства и районные власти, но и производственные объекты, администрация которых также несла свою долю ответственности. Так, в числе прегрешений снятого с должности в середине мая 1936 г. директора Сосновской судовой Лутошкина значились не только безобразная организация труда на предприятии, слабое распространение стахановского движения, плохое снабжение производства материалами, но и неудовлетворительное куль-

³⁸ Районы Кировской области. Киров, 1937. С. 5.

³⁹ Кировский край: Альбом графиков для делегатов... Табл. «Городское хозяйство».

⁴⁰ ЦГАКО. Ф. П-1255. Оп. 2. Д. 8. Л. 246–247.

турно-бытовое обслуживание рабочих, а также «непринятие мер по борьбе с малярией»⁴¹.

Вмешательство областного партийного руководства оказалось совсем не лишним и в истории с Сарапульским детским домом. В условиях бесконтрольности со стороны областного отдела народного образования и бездеятельности дирекции детского дома в нем отсутствовало надлежащее воспитание бывших беспризорников, получили широкое распространение воровство и пьянство. Несмотря на регулярное финансирование детского дома, многие воспитанники не были одеты и обуты надлежащим образом. Оценив ситуацию на одном из своих заседаний, бюро обкома наметило ряд мероприятий по ее исправлению, указав – в традиционном деловом стиле – конкретных исполнителей и сжатые сроки реализации пунктов постановления – от половины до полутора месяцев⁴².

Выразительным примером делового, жесткого стиля работы данного органа (впрочем, как и в предыдущем случае, дело обошлось без персональных репрессий) может служить решение бюро по поводу возводимой в районном центре Полом здания больницы взамен старого ветхого и плохо оснащенного. Районные власти затянули его строительство. Руководство области приняло к сведению обещание достроить больницу в срок до 17 февраля 1937 г. (дело слушалось 7 января), но параллельно эффективно «стимулировало» местных управленцев, обязав их на это время разместить больницу в помещении райкома ВКП(б), а также в «освободившемся школьном здании»⁴³.

Реальная забота местных властей о здоровье населения подтверждается и данными статистики. За вторую пятилетку количество больниц в регионе увеличилось на 75% (с 92 учреждений до 123), поликлиник и амбулаторий – со 134 до 238, фельдшерско-акушерских пунктов – с 201 до 366. Общее число врачей (за вычетом стоматологов) увеличилось на 62%. Но при этом их общий контингент в 1937 г. едва превысил полтысячи специалистов⁴⁴, что ни в коем случае не гарантировало своевременное оказание медицинской помощи любому жителю Кировской области. Слишком убогой была исходная база краевого здравоохранения и дореволюционного времени, и периода нэпа, чтобы можно было за одну пятилетку обеспечить полноценный охват всего населения лечебными учреждениями.

⁴¹ Там же. Л. 231.

⁴² ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 28. Л. 18 об.

⁴³ Там же. Л. 16 об.

⁴⁴ Вятский край на рубеже тысячелетий... С. 490.

Определенно не выпадали из поля зрения властей и общесоюзных, и местных, областных вопросы культурного развития региона. С учетом исторического отставания деревни именно сельской местности руководители области придавали особое значение. Культурным центром в колхозе и совхозе в это время выступал сельский клуб либо дом культуры как его разновидность. При отсутствии таковых их функции (в сильно усеченном виде) ложились на избучитальню. В советское время количество очагов культуры такого рода выросло в сотни раз. По официальным данным, в 1936 г. по стране в целом насчитывалось 86 тыс. клубов и изб-читален, львиная доля каковых (68,8 тыс.) приходилась на деревню⁴⁵. В Кировской области за годы второй пятилетки число клубов более чем удвоилось (с 525 до 1234)⁴⁶.

При грамотной постановке дела они могли оказывать большое влияние на жизнь любого населенного пункта. Решая с их помощью задачи просветительского, общекультурного характера, власти использовали клубы и избы-читальни и в политических целях, для формирования нужного им общественного мнения. В таком аспекте советский клуб выступал своеобразным наследником дореволюционного церковного прихода. Вопросы его функционирования неоднократно и основательно прорабатывались на заседаниях бюро Кировского обкома партии. Так, в его повестке за 23 августа 1937 г. значился вопрос «О работе Спасо-Талицкого и Марадыковского сельских клубов Оричевского района». В числе намеченных организационных и культурно-просветительских мероприятий руководителям этих учреждений предлагалось чаще проводить лекции и доклады «по текущим политическим событиям» – о новой Конституции, предстоящих выборах в Верховный Совет и т. д. Не обошлось без указаний о «повышении бдительности» в контексте «борьбы с вредителями»⁴⁷.

К деятельности руководителей и работников учреждений культуры предъявлялись довольно высокие требования. Так, Ильинскому сельскому клубу во время его отчета на бюро обкома в сентябре того же года был выставлен следующий «букет» претензий: в клубе не велась антирелигиозная пропаганда, не читались лекции и доклады по социально-политическим и естественно-научным темам, отсутствовали агротехническая пропаганда и кружки по поднятию общеобразовательного уровня колхозников (по направлениям «гражданская история», «литература», «география»...), плохо работала библиотека, и, наконец, клуб не предавал гласности

⁴⁵ Там же. С. 4.

⁴⁶ Там же. С. 507.

⁴⁷ ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 34. Л. 19–20.

успехи местного сельского Совета в области сельского хозяйства. Тем не менее было найдено, что определенную пользу культурному развитию села клуб все-таки принес⁴⁸.

Отдельным направлением управленческой деятельности в области культурного строительства являлся контроль за работой библиотек и сетью книжной торговли. В отчете Кировского обкома ВКП(б) I областной партийной конференции (11–17 июня 1937 г.) отмечалось, что «основной задачей партийного руководства в библиотечной работе было очищение книжного фонда от враждебной литературы и улучшение сети передвижек и колхозных библиотек». Под враждебной литературой в данном контексте имелись в виду труды опальных партийных и государственных деятелей: Л.Д. Троцкого, Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева и др. В документе сообщалось, что недавно проведенная проверка библиотек «вскрыла безобразные факты засоренности их контрреволюционной троцкистской литературой». В частности, «в Яранской библиотеке обнаружено 140 экз. неизъятной контрреволюционной литературы; в том же районе в сельпо продавались книжки со статьями Троцкого, Каменева. В Халтуринской райбиблиотеке читателям выдавалась книга по истории, авторами которой являются троцкисты Фридлянд и Слуцкий. В Шарангской библиотеке были книги Троцкого и Зиновьева»⁴⁹.

«Точечный» контроль за работой отдельных сельских учреждений культуры дополнялся массовыми мероприятиями. В конце лета 1937 г. областное руководство поручило районным комитетам партии организовать в ближайшие две недели отчеты колхозных клубов и домов культуры на пленумах сельских Советов «в целях мобилизации внимания масс к улучшению работы культурных учреждений», а на середину ноября был запланирован областной съезд «ударников культурной работы деревни» с числом делегатов 500 человек⁵⁰.

Реализуя социальную политику советской власти, власти Кировской области системно связывали ее с решаемыми экономическими задачами. Редкий анализ жизнедеятельности того или иного предприятия обходился без раздела, посвященного социальным мероприятиям или отсутствию таковых. Так, в разгромном постановлении бюро обкома ВКП(б) от 23 сентября по вопросу «Об осенне-зимнем ремонте тракторов» («...большинство МТМ»⁵¹

⁴⁸ Там же. Л. 44.

⁴⁹ Материалы к отчету Кировского обкома ВКП(б) первой областной конференции. Киров, 1937. С. 59.

⁵⁰ ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 34. Л. 9.

⁵¹ МТМ – машинно-тракторная мастерская.

и МТС к осенне-зимнему ремонту тракторов не подготовлены»), наряду с мерами организационно-техническими и по оплате труда, был обозначен значительный ряд мероприятий социального характера. Региональное руководство предписало соответствующим ведомствам (облЗУ в первую очередь) обратить особое внимание директоров машинно-тракторных станций и мастерских «на создание ремонтным рабочим необходимых культурно-бытовых и производственных условий (общежитие, питание, культурный отдых, техника безопасности, промсанитария и др.). Предложить райисполкомам и райкомам партии оказать помощь МТМ и МТС в выделении помещений для общежитий и столовых и организовать культурно-бытовое обслуживание рабочих и трактористов»⁵².

Ударным направлением культурного строительства уже второе десятилетие оставалось преодоление неграмотности и малограмотности населения региона. Помимо открытия новых школ и реализации установки верхов на 100-процентный охват вступающих в жизнь поколений начального школьного возраста, практиковались различные формы обучения разновозрастных категорий населения. Одной из них была работа с призываемой на армейскую службу молодежью. При детальном ознакомлении с состоянием дел в этой сфере выяснились шокирующие подробности. Оказалось, что на начало весны 1937 г. в ряде районов области (Вятско-Полянском, Малмыжском, Сунском, Тужинском и др.) доля неграмотных и малограмотных потенциальных призывников превышала 90%. По данным В.Б. Жиромской, в целом по стране наиболее благополучным показателем в 1937 г. (свыше 90%) отличались именно молодые люди возраста 13–19 лет, а также подростки 12–14 лет [Жиромская 2001, с. 179]. На этом фоне ситуация в регионе выглядела просто провальной.

К тому же партийными органами подготовка грамотных кадров для Красной армии рассматривалась в качестве важнейшей политической задачи. Признав сложившуюся ситуацию совершенно неудовлетворительной, бюро обкома обязало органы народного образования области, под личную ответственность их руководителя Марчукова, а также членов партийных групп исполкомов районных Советов, «охватить в месячный срок обучением *всех* (курсив наш. – Авт.) неграмотных и малограмотных допризывников». Для решения этой непростой задачи рекомендовалось применять гибкие организационные формы – небольшие группы и индивидуальное обучение, заключать отдельные соглашения с учителями и культармейцами, создавать

⁵² ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 34. Л. 78.

необходимые условия (обеспечение учебниками, наглядными пособиями и т. д.)⁵³.

Успех в области культурного строительства в огромной степени зависел от обеспеченности учебных заведений, клубов и прочих учреждений соответствующего профиля подготовленными кадрами. Задача эта в первую очередь ложилась на плечи Кировского педагогического института и находившихся в областном, а также в районном центре Советске педагогических училищ. В жизни первого из них в 1937 г. произошли определенные изменения: в духе Конституции СССР 1936 г. (ликвидация определенных предпочтений выходцам из рабочего класса) был упразднен рабфак. Его руководитель Никологорский был переведен на должность директора педагогического училища⁵⁴.

В то же время в «кузнице педагогических кадров» – Кировском пединституте (директор Шимбирев) не задалось заочное отделение: за период с 1931 по 1937 г. не состоялся ни один выпуск студентов заочной формы обучения. По оценке членов бюро обкома, это свидетельствовало «об отсутствии большевистской борьбы по ликвидации последствий вредительства в деле подготовки учительских кадров»⁵⁵. Педучилища также не обошли стороной серьезные проблемы: в 1937 г. перевод на старшие курсы заочных отделений составил всего 29%, выпуск – 48%. В оценке провального результата в данном случае обошлись без явной политизации: причиной было названо неудовлетворительное руководство со стороны облОНО и Института повышения квалификации кадров народного образования – ИПККНО⁵⁶. С учетом вышесказанного данный вывод представляется достаточно обоснованным.

Заключение

Как следует из анализа приведенных фактов, социальная сфера Кировского края (области) в годы второй пятилетки (1933–1937) развивалась в русле общесоюзных тенденций, характерных для эпохи форсированной индустриализации. Высокими темпами повышалась заработная плата рабочих и служащих, хотя и с заметным отставанием от средней по стране. Причиной тому являлся пока еще во многом аграрный (по составу населения) характер региона с высокой долей мелкого производства в промышленности.

⁵³ Там же. Д. 30. Л. 3.

⁵⁴ Там же. Д. 34. Л. 103.

⁵⁵ Там же. Д. 34. Л. 116.

⁵⁶ Там же.

Между тем в условиях индустриализации Советского Союза приоритетным направлением государственных вложений являлось крупное производство, находившееся на острие научно-технического прогресса. Поэтому в отличавшейся многочисленным контингентом кадров, но невысокими технологиями лесной промышленности Кировского края средняя зарплата была значительно меньше, нежели в перерабатывающих отраслях индустрии.

В этот же период приобретала зримые очертания система индивидуальной финансовой поддержки отдельных категорий населения, в частности многодетных матерей. Вопрос о доходах сельских жителей ввиду его сложности требует отдельного исследования. Пока же можно утверждать, что их увеличение напрямую зависело от уровня продуктивности аграрного сектора экономики в целом и конкретных достижений каждого отдельного коллективного хозяйства (колхоза). Партийные региональные власти оказывали преимущественно косвенное воздействие на жизненный уровень колхозников, ограничивая и пресекая покушения на него низового руководства и чиновников различных ведомств.

Середина 1930-х гг. – время отказа от карточного распределения продуктов питания, предметов первой необходимости и, соответственно, расширения сферы функционирования товарно-денежных отношений. Это не отменяло вмешательство региональных властей в эту сферу, их контрольные и регулирующие функции, представляющиеся необходимыми в условиях роста покупательной способности значительных масс населения при недостаточно развитой легкой промышленности и городской производственной кооперации. Впрочем, возможности последней не полностью использовались руководителями территорий и торговой сети.

В рассматриваемый период в Кировском регионе активно развивались системы образования и здравоохранения. Однако и в конце пятилетки было еще далеко до гарантированного удовлетворения потребностей граждан в медицинских услугах. Но при этом принципиально важно то обстоятельство, что расходы на здравоохранение финансировало государство, а не жители городов и сел. В области образования, при впечатляющем количественном росте соответствующих учреждений и числа обучаемых, имели место и серьезные провалы в уровне образованности даже молодежи призывного возраста. Более-менее основательное решение жилищной проблемы, обострившейся вместе с ростом населения городов и поселков, еще не вошло в число приоритетных направлений социальной политики властей региона, как, впрочем, и страны в целом.

Серьезным минусом следует назвать диспропорцию в темпах социально-экономического развития между городами (особенно концентрирующим в своих руках ресурсы региональным центром)

и сельскими районами. Неравномерность социального развития проявлялась и в ином ракурсе: если на ряде направлений (заработная плата, снабжение через сеть государственной и кооперативной торговли, стабильные, а то и снижаемые цены, совершенствование городской инфраструктуры, строительство школ и др.) положительная динамика не вызывает сомнений, то часть проблем пока еще были далеки от удовлетворительного решения, а некоторые (жилье в первую очередь) по большому счету еще не стали в повестку и общесоюзных, и региональных властей.

Однако даже с учетом перечисленных издержек Кировский регион в рассматриваемый период демонстрировал уверенный рост по важнейшим показателям развития социальной сферы, представляя собой динамично развивающуюся территорию, жизненный уровень населения которой (преимущественно городского населения) имел явную тенденцию к повышению. Не будет преувеличением утверждать, что именно в это время был заложен базис дальнейшего роста благосостояния населения Кировской области, в полной мере проявившегося уже в период 1960–1980 гг.

Литература

- Бакулин 2006 – *Бакулин В.И.* Кадровые «чистки» 1933–1938 гг. в Кировской области и проблема консолидации советского общества // Бакулин В.И. Листая истории страницы: Вятский край и вся Россия в XX в.: Сборник научных статей. Киров: Изд-во ВятГУ, 2006. С. 179–188.
- Бакулин 2018 – *Бакулин В.И.* В преддверии Февраля: губерния в условиях мировой войны // Вятская губерния в 1917–1918 годах: революция и эволюция политико-управленческой системы / В.И. Бакулин, М.А. Борчина, А.С. Макарова, А.С. Позднякова, Ю.Н. Тимкин. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2018. 420 с.
- Бакулин 2020 – *Бакулин В.И.* Бюро Кировского обкома ВКП(б) и проблема политических репрессий в 1937 г. // История и архивы. 2020. № 2. С. 12–37.
- Бердинских 2001 – *Бердинских В.А.* История одного лагеря (Вятлаг). М.: Аграф, 2001. 463 с.
- Вдовин 1972 – *Вдовин З.И.* Деятельность Кировской краевой партийной организации по руководству народным хозяйством и культурным строительством в годы второй пятилетки (1933–1937 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1972. 22 с.
- Дубовцев 2014 – *Дубовцев В.А.* Модернизация: история нашего времени: Экономические и общественно-политические процессы в ходе советской модернизации и либеральных реформ. Киров: Веси, 2014. 496 с.
- Жиромская 2001 – *Жиромская В.Б.* Демографическая история России в 1930-е годы: Взгляд в неизвестное. М.: РОССПЭН, 2001. 280 с.
- Загвоздкин 1995 – *Загвоздкин Г.Г.* Триумф и трагедия 30-х годов // Энциклопедия земли Вятской. Т. 4. Киров: [Б. и.], 1995. С. 379–393.

- Карачаров 1990 – *Карачаров Ю.Г.* Все равно буду жить!: Документальный рассказ о жертвах сталинских репрессий в Кировской области. Киров, Волго-Вят. кн. изд-во: Киров, отд-ние, 1990. 191 с.
- Кашина 2008 – *Кашина В.М.* Индустриализация в Кировском крае (области): замыслы и итоги // Энциклопедия земли Вятской. Т. 10. Кн. 2. Киров: [Б. и.], 2008. С. 141–150.
- Клюкин 1971 – *Клюкин В.И.* «Коммуны будущей творцы»: Очерки истории Кировской организации ВЛКСМ. Киров: Волго-Вят. кн. изд-во. Киров, отд-ние, 1971. 360 с.
- Семено 2018 – *Семено А.В.* 1935–1940: Общественно-политическая ситуация в Кировской области // ВятГубЧК – УКГБ – УФСБ по Кировской области: Страницы столетней истории. Киров: Крепостновъ, 2018. С. 71–78.
- Семенова 2012 – *Семенова А.Ю.* Социально-экономическое положение рабочих ценовой промышленности Вятской губернии / Кировской области в 1928–1937 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2012. 324 с.
- Сметанина 2008 – *Сметанина Н.Д.* История вятского искусства XVIII–XX вв. в рассказах и лекциях для учащихся. Киров: О-краткое, 2008. 432 с.
- Чемоданов 2016 – *Чемоданов И.В.* Сельское хозяйство и крестьянство Вятского региона в условиях модернизации (1928–1941 гг.). Киров: Старая Вятка, 2016. 364 с.
- Чемоданов 2019а – *Чемоданов П.А.* Архитектурно-пространственное развитие г. Вятки / Кирова в межвоенный период: планы и реальность // Город на Вятке: история, культура, люди (к 645-летию Хлынова – Вятки – Кирова): Материалы Всерос. науч. конф. (Киров, 10 июня 2019 г.). Киров, 2019. С. 66–77.
- Чемоданов 2019b – *Чемоданов П.А.* Стахановское движение в экономической и социокультурной жизни советской провинции в 1935–1941 гг. (на материалах Кировской области). Киров: Герценка, 2019. 224 с.
- Чемоданов 2019с – *Чемоданов П.А.* «Хлеб продаем, но не всем»: как отменяли хлебные карточки на территории Кировского края в начале 1935 г. // Памятная книжка Кировской области и календарь на 2020 год: информ.-стат. сб. Киров: [Б. и.], 2019. Вып. 17. С. 264–272.
- Чемоданов 2020 – *Чемоданов П.А.* От дочери портного до «врага народа»: «пять жизней» Мизы Боревой // Чемоданов П.А. Вятский Interbellum: Очерки истории Вятского края в межвоенный период. Киров: Герценка, 2020. С. 120–135.

References

- Bakulin, V.I. (2006), “Staff “purgas” of 1933–1938 in the Kirov region and the Soviet society consolidation issue”, in *Listaya istorii stranicy: Vyatskii kraj i vsya Rossiya v dvadcatom veke. Sbornik nauchnykh statej* [Turning the pages of history: Vyatka region and Russia in the twentieth century. Collected scientific articles], Kirov, Russia, pp. 179–188.
- Bakulin, V.I. (2018), “On the eve of February. The province in the conditions of the World War”, in *Vyatskaya guberniya v 1917–1918 godah: revolyuciya*

- i evolyuciya politiko-upravlencheskoy sistemy* [Vyatka province in 1917–1918. Revolution and evolution of the political and administrative system], Raduga-PRESS, Kirov, Russia.
- Bakulin, V.I. (2020), “Bureau of the Kirov regional committee of the CPSU (b) and the issue of political repression in 1937”, in *History and archives*, no. 2, pp. 12–37.
- Berdinskikh V. A. (2001), *Istoriya odnogo lagerya (Vyatlag)* [History of a labor camp (Vyatlag)], Agraf, Moscow, Russia.
- Chemodanov, I.V. (2016), *Sel'skoe hozyajstvo i krest'yanstvo Vyatskogo regiona v usloviyah modernizatsii (1928–1941 gg.)* [Agriculture and peasantry of the Vyatka region in the context of modernization (1928–1941)], Staraya Vyatka, Kirov, Russia.
- Chemodanov, P.A. (2019), “Architectural and spatial development of Vyatka / Kirov in the interbellum period: plans and reality”, in *Gorod na Vyatke: istoriya, kul'tura, lyudi (k 645-letiyu Hlynova – Vyatki – Kirova): Materialy Vserossiyskoi nauchnoi konferencii (Kirov, 10 iyunya 2019 g.)* [City on the Vyatka river: history, culture, people (to the 645th anniversary of Khlynov – Vyatka – Kirov): Materials of the all-Russian scientific conference (Kirov, June 10, 2019)], Kirov, Russia, pp. 66–77.
- Chemodanov, P.A. (2019), *Stakhanovskoe dvizhenie v ekonomicheskoy i sociokul'turnoy zhizni sovetskoj provincii v 1935–1941 gg. (na materialah Kirovskoj oblasti)* [The Stakhanov movement in the economic and socio-cultural life of the Soviet province in 1935–1941 (based on materials from the Kirov region)], Gertsenka, Kirov, Russia.
- Chemodanov, P.A. (2019), “Bread is not for everyone: on the abolishment of bread rationing on the territory of the Kirov region at the beginning of 1935”, in *Pamyatnaya knizhka Kirovskoj oblasti i kalendar' na 2020 god: informacionno-statisticheskij sbornik* [Commemorative book of the Kirov region and calendar for 2020: inform.-statistical compilation], Kirov, Russia, pp. 264–272.
- Chemodanov, P.A. (2020), “From the tailor's daughter to the “enemy of the people”: “five lives” of Miza Boreva”, in *Vyatskii Interbellum: Ocherki istorii Vyatskogo kraya v mezhoennyy period* [Vyatka Interbellum: Essays on the history of the Vyatka region in the interbellum period], Gertsenka, Kirov, Russia, pp. 120–135.
- Dubovtsev V. A. (2014), *Modernizatsiya: istoriya nashego vremeni. Ekonomicheskie i obshchestvenno-politicheskie processy v hode sovetskoj modernizatsii i liberal'nyh reform* [Modernization. The history of our time. Economic and socio-political processes in the course of Soviet modernization and liberal reforms], Vesi, Kirov, Russia.
- Karacharov, Yu.G. (1990), *Vse ravno budu zhit'!: Dokumental'nyy rasskaz o zhertvakh stalinskih repressij v Kirovskoj oblasti* [I Will Live Anyway!: A documentary story about the victims of Stalin's repressions in the Kirov region], Volgo-Vyatskoye Book Publishing House: Kirov department, Kirov, USSR.
- Kashina, V.M. (2008), “Industrialization in the Kirov region (Oblast): Concepts and Results”, in *Enciklopediya zemli Vyatskoj. Tom 10, Kn. 2* [Encyclopedia of the Vyatka Land, vol. 10, book 2], Kirov, Russia, pp. 141–150.

- Klyukin, V.I. (1971), "*Kommuny budushchej tvorcy*": *Ocherki istorii Kirovskoj organizacii VLKSM* ["The future commune creators": Essays on the history of the Kirov organization of the Komsomol], Volgo-Vyatskoye Book Publishing House: Kirov department, Kirov, USSR.
- Semenov, A.V. (2018), "1935–1940. Socio-political situation in the Kirov region", in *VyatGubCHK – UKGB – UFSB po Kirovskoj oblasti: Stranicy stoletnej istorii* [VyatGubChK – KGB – FSB in the Kirov region. Pages of the century history], Krepostnov, Kirov, Russia.
- Semenova, A.Yu. (2012), *Social'no-ekonomicheskoe polozhenie rabochih cenzovoj promyshlennosti Vyatskoj gubernii / Kirovskoj oblasti v 1928–1937 gg.* [Socio-economic situation of workers in the large and medium-sized industries of the Vyatka province / the Kirov region in 1928–1937], Kirov, Russia.
- Smetanina, N.D. (2008), *Istoriya vyatskogo iskusstva XVIII–XX vekov v rasskazakh i lekciyah dlya uchashchihsya* [A history of the Vyatka art of the 18th – 20th centuries in stories and lectures for students], O-kratkoe, Kirov, Russia.
- Vdovin Z.I. (1972), *Deyatel'nost' kirovskoj kraevoj partijnoj organizacii po rukovodstvu narodnym hozyajstvom i kul'turnym stroitel'stvom v gody vtoroj pyatiletki (1933–1937 gg.)* [Activity of the Kirov regional party organization in management of the economy and cultural construction during the second five-year plan (1933–1937)], Moscow, USSR.
- Zagvozdkin, G.G. (1995), "Triumph and tragedy of the 30s", in *Enciklopediya zemli Vyatskoj. Tom 4* [Encyclopedia of Vyatka Land, vol. 4], Kirov, Russia, pp. 379–393.
- Zhiromskaya, V.B. (2001), *Demograficheskaya istoriya Rossii v 1930-e gody. Vzglyad v neizvestnoe* [Demographic history of Russia in the 1930s. Looking into the unknown], ROSSPEN, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Владимир И. Бакулин, доктор исторических наук, профессор; 354393, Россия, Краснодарский край, г. Сочи, Адлерский р-н, пос. Липники; vla20190220@yandex.ru

Павел А. Чемоданов, кандидат исторических наук, Кировский областной краеведческий музей, Киров, Россия; 610040, Россия, г. Киров, ул. Свободы, д. 48; pavelche1492@mail.ru

Information about the author

Vladimir I. Bakulin, Dr. of Sci. (History), professor, Lipniki village, Adler District, Sochi, 354393, Krasnodar region, Russia; vla20190220@yandex.ru

Pavel A. Chemodanov, Cand. of Sci. (History), Kirov Regional Museum of Local Lore, Kirov, Russia; bld. 48, Svobody St., Kirov, 610040, Russia; pavelche1492@mail.ru